

В.П.Желиховская

Открытие преступления призраком самого убитого (из письма 1879 года)

В Тифлисе произошел недавно замечательный случай: *открытие преступления призраком самого убитого*, среди белого дня, на глазах у двадцати человек.

В молоканской деревне, предместьи города со стороны Муштаида и железной дороги, проживает в собственном доме вдова Кузьмина, молоканка, единственный сын которой Александр, 18-ти лет, по смерти отца оставшись хозяином, начал крепко кутить и пьянствовать. Мать приходила в отчаяние, просила, сердилась, – но все напрасно! Александр Кузьмин продолжал свою дурную жизнь.

Раз, перед вечером, в ноябре 1879 года, он отправился со двора, рассердившись на мать, которая настаивала на том, чтоб он остался дома, зная, что он вернется пьяным. Хотя она знала, что он не раз ее обманывал, но так как он обещал вернуться в тот же вечер, то мать, уложив меньших детей, села за работу, ожидать сына.

Она сидела и шила, прислушиваясь к стуку калитки или шагов его, но ничего не было слышно.

Пробила полночь. Тишина не нарушалась ничем, кроме боя стенных часов. Случалось в последнее время ее Сашке пропадать по двое, по трое суток из дому, но вдова не ждала его так беспокояно, как в эту ночь; никогда ей не хотелось так, как теперь, чтоб сын ее вернулся. Несколько раз она выходила за ворота – посмотреть, не идет ли он. Ночь была морозная, лунная, светлая, как днем: было полнолуние.

Пробило два часа, потом три... Вдова пошла еще в последний раз посмотреть на улицу, и видя, что не дожидаться ей, – крепко притворила калитку в воротах и решила лечь спать. Но едва она вошла в свою комнату, как раздался стук в ворота, щелкнула железная щеколда и по мерзлой земле явственно раздались шаги ее сына. Он прошел по двору мимо окон к сеним, но не входил. Кузьмина, думая, что она в забывчивости заперла дверь на крючок, пошла отворить ему. В сенях и на дворе не оказалось никого, но собака, сначала, было, залаывая, жалобно визжала, и калитка стояла широко открытая. Крепко забило сердце бедной матери, она бросилась к воротам: в одну, в другую сторону улицы, – нет никого! С тяжелым чувством вернулась она в комнату и присела опять к своей работе. Спать ей совсем не хотелось. Она сидела и вспоминала, как два года тому назад эта самая калитка, как бы крепко ее не заперли, отворялась, словно бы ее отпирали невидимые руки, и *не хотела* быть запертой до самого дня смерти ее мужа. После похорон калитка перестала отворяться. Среди своих печальных мыслей и воспоминаний, вдова неожиданно заснула. Чуть ли не в тоже мгновение она проснулась, вся дрожа в холодном поту: она видала сына, звавшего ее с мольбою к себе, показывавшего ей, что сам он придти не может.

Насилу дождалась бедняга рассвета и пустилась разыскивать сына по всем соседним духанам (кабакам) и трактирам. Но Александра Кузьмина нигде не оказалось и никто его не видал. Более дюжины кабаков обошла старуха и возвращалась уже домой около *полудня*, усталая, измученная душой и телом, как вдруг ей пришло на мысль зайти в харчевню, рядом с ее домом. Это не было собственно кабак, а нечто вроде трактира или пивной, где сын ее не имел обыкновения бывать. По случаю праздника народу было много и на вопросы матери все с соболезнованием отвечали, что сына ее никто не видал. Кузьмина вышла из харчевни. Дверь из нее выходила во двор и в глубине его *наружная*, деревянная лестница ведет на чердак, находящийся над домом и служащий сеновалом. Бедная мать, убежденная в гибели сына своего,

Публикуется по: Ребус, 1884, №17, 29 апреля.

Этот очерк под названием «Призрак-проводник» («A Spectre Guide») первоначально был напечатан в: The Theosophist, 1880, т. I, №10, июль. Публикации предшествовали слова Е.П.Блаватской: «Написано для “Теософа” нашим близким родственником как правдивый рассказ о происшествии, которое ошеломило весь город и полицию Тифлиса».

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

вышла во двор в сопровождении почти всех посетителей пивной и ее хозяина-армянина, соболезновавших о ее горе. Тут нечаянно повернувшись к лестнице сеновала, она увидела Александра, стоявшего на верхней площадке перед дверью на чердак. В виду всей многочисленной публики Кузьмина радостно вскрикнула: «Сашка! Слава Богу! Измучилась я за тебя, а ты бессовестный на сеновале видно хмель отсыпал?.. Иди же, соня беспутный! Чего руками машешь?» Но неожиданно лицо ее омрачилось страшным воспоминанием: сын звал ее, и теперь воочию *на ярком солнечном свете* безмолвно повторял тот самый жест, которым призывал ее ночью. Ужас охватил женщину. По собственным словам ее, она почувствовала что-то неотразимо увлекавшее ее туда, к сыну, и забыв все, бросилась на лестницу, крича ему, чтоб он подождал ее, не уходил за дверь, потому что она все же была убеждена, что видит своего *живого* сына. Она думала, что он онемел или *сошел с ума!*.. Свидетели же ее разговора с *пространством* и странных поступков, *показали на следствии*, что они сочли ее за сумасшедшую.

Хотя Сашка не подождал ее, войдя на чердак ранее, чем она взобралась на лестницу, тем не менее, *она чувствовала влекущую ее силу*, и увидав на чердаке три двери, безошибочно избрала среднюю. Войдя в это отделение сеновала, Кузьмина громко начала звать исчезнувшего сына, но его здесь не было.

«Я не могу рассказать, что со мною тогда делалось, – говорила она сама о себе. – Я ничему не удивлялась, ничего не думала и только, не видя его нигде, чувствовала, что сын здесь, возле меня. На полу лежал ворох сена. Мне словно кто-то бы шепнул: разрой! разрой! И я бросилась разрывать. Я сейчас же увидела ноги в сапогах и, узнав их, бросилась разрывать дальше, а толкая его по ногам, как толкают спящих людей, чтоб разбудить их, говорила: вставай же, полно дрыхнуть, пойдём! Видя, что он не встает, я подошла и отрыла из-под сена его голову и лицо... Тут только я увидела, что он мертвый! – Но я и тут не удивилась, не закричала, а только повернулась и пошла звать народ...»

«Народ», разумеется, повалил вслед за нею; но прежде ее обратного выхода на лестницу этот самый народ уже распорядился задержать растерявшегося, позеленевшего духанщика, который увидав, *куда пошла Кузьмина, вслед за показавшимся ей одной Сашкой*, – не стал ждать ни полиции, ни прокурора, а упав на колени, сознался, что Кузьмин убит. Следствие выяснило, что духанщик и двое его сообщников не были преднамеренными убийцами, а только... восточными человеками. Они, извольте ли видеть, напоив мальчишку, хотели с ним... поиграть. Для этого, затащив его на сеновал, они навалили на него сена и подушек, но не рассчитали силы винных паров и сами сильно удивились, покончив игру, – его смертью. Оказалось, что Сашка задохся или умер от удара. Тогда восточные человеки решили, что это – Божия воля! И прикрыв его сеном, ждали следующей ночи, чтоб вывезть тело из харчевни и свалить его в какую-нибудь канаву, где нашли бы его мертвым, и зная за пьяницу, предали бы, конечно, земле без дальнейших разбирательств. Так решили убийцы, но не так решил сам несчастный Александр Кузьмин: *дух умершего сам указал свое брненное тело*.

Вот документальная история, происшедшая в конце ноября 1879 года в Тифлисе в нескольких саженьях¹ от меня: Николаевская и Авчальская улица, на которой дом Кузьминой, стоит рядом с домом Федорова, где я живу. Пишу со слов прокурора Костенского² и самой Кузьминой.

¹ Сажень – старорусская единица измерения расстояния, равная 2,13 м.

² Костенский Николай Владимирович – в 1878–1879 гг. товарищ прокурора прокурорского надзора Тифлиского окружного суда.